

5. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : Коллективная монография / Д. В. Абашева, А.В. Алексеев, Л.Н. Алешина [и др.] ; Департамент образования города Москвы, Московский городской педагогический университет, Институт гуманитарных наук. – Москва : Книгодел, 2019. – 504 с. – (Природный мир в пространстве культуры). – ISBN 978-5-9659-0198-2. – EDN RLMZKB.

6. Успенский, Б.А. Семиотика искусства [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

7. Чупрына, О.Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) / О. Г. Чупрына // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 3(15). – С. 71-79. – EDN STSOPZ.

8. Dickens Ch. The Old Curiosity Shop. [Internet]. Режим доступа: https://bookscafe.net/read/dickens_charles-the_old_curiosity_shop-252584.html#p1. – Дата доступа: 10.03.2024.

9. Gilpin W. On Picturesque Travel. Essay II // Three Essays on Picturesque Beauty, 2nd edition (1794). [Internet]. URL: <https://sites.ualberta.ca/~dmiall/Travel/gilpine2>. – Дата доступа: 17.03.2024.

10. Price U. An Essay on The Picturesque, as Compared with the Sublime and the Beautiful. Chapter III. (1794). [Internet]. URL: <http://sublime.nancyholt.com/Price/index.html>. – Дата доступа: 23.03.2024.

V.S. Mashoshina
Moscow City University
e-mail: MashoshinaVS@mgpu.ru

The Pictorial Code and the Picturesque in the XIX century British Literature

Key words: pictorial code, the picturesque, British literature, Charles Dickens.

The article analyses the pictorial qualities and the aesthetics of the picturesque in British literature of the XIX century based on the works of Ch. Dickens. Looking into the specific features of the functioning of landscape complexes in the novel “The Old Curiosity Shop” the paper discusses the ways of incorporating the conventional pictorial modes of the picturesque into the space of the literary text in question.

И.А. Михалевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
e-mail: irkahudoba@mail.ru

УДК 82.09

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНАХ С.И. ВИТКЕВИЧА «ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ» И «НЕНАСЫТИМОСТЬ»

Ключевые слова: С.И. Виткевич, «Прощание с осенью», «Ненасытимість», система персонажей, главный герой, второстепенный герой.

Данная статья посвящена анализу системы персонажей наиболее известных романов польского писателя первой половины XX века Станислава Игнация Виткевича «Прощание с осенью» и «Ненасытимість». Изучение системы персонажей играет большую роль при анализе литературного текста, поскольку является одним из важнейших средств

постижения смысла произведения как художественного целого. В статье определены основные типы персонажей, описаны их взаимоотношения, выявлены сходства и различия авторского воплощения схожих героев и характеров.

В литературной энциклопедии под редакцией Н.Д. Томарченко система персонажей рассматривается как соотнесенность всех ведущих, а также второстепенных действующих лиц в литературном произведении, реализующая авторское художественное задание [4, с. 230–231]. В зависимости от степени важности того или иного героя при раскрытии художественного содержания произведения, а также от степени участия в построении сюжетной линии среди персонажей обычно выделяют такие категории как: главные герои, второстепенные, внесценические и эпизодические. Важную роль при выборе места персонажа в этой системе играет авторская оценка, что в свою очередь оказывает влияние на восприятие читателем всего произведения в целом. Анализ системы персонажей того либо иного литературного текста невозможен без оценки особенностей концепции и композиции произведения, которые несомненно влияют на систему персонажей.

Романы Станислава Игнация Виткевича «Прощание с осенью» («*Pożegnanie jesieni*») и «Ненасытимость» («*Nienasycenie*») появляются с разницей в два года в 1927 и 1929 году соответственно. Несмотря на то, что в каждом из них разные герои, разная система отношений, действие происходит в разное время, второй роман, по мнению современников Виткевича, это дублирование содержания первого [5, с. 82]. В том и другом произведении речь идет об одном и том же, о формальной и содержательной, то есть телесной и духовной ненасытности героев на фоне последней стадии распадающейся человеческой цивилизации.

Литературные персонажи, с которыми мы встречаемся в романах С.И. Виткевича, отличаются от ранее сформулированных определений персонажа как такового, а также приписанных им функций. Это двойственные создания, которые с одной стороны утверждают, что стремятся к полноте жизни, к бесконечности, к недоступному простым смертным наслаждению, а с другой стороны теряются в потоке своих же желаний, превращаются в безумные и безвольные существа.

Виткевичу в его романах удалось создать целую галерею ярких образов, среди которых отчетливо прослеживаются четыре доминирующих типа персонажа: **разочарованный потенциальный художник, его невинная настоящая любовь, демоническая женщина и революционный деспот.** Рассмотрим более подробно каждого из них.

Главными героями в обоих романах являются молодые люди Атаназий Базакбал (Прощание с осенью) и Генезип Капен де Вахаз (Ненасытимость), которые несмотря на юный возраст достаточно талантливы и умны, увлекаются литературой и философией, грезят о своем высоком предназначении,

стремятся к полноте жизни, хотят прожить ее как произведение искусства: драматическое интенсивное и необычное, но в итоге проигрывают эту борьбу с самим собой, погружаются в наркотики и эротомании, что в конце концов приводит к физической гибели Атаназия и духовной Генезипа. Как справедливо отмечает исследователь творчества Виткевича в России Андрей Базилевский, главные герои обоих романов – юноши, вступающие в неразрешимо-противоречивое взрослое существование, утратившие свою индивидуальность прежде, чем ее найти [1, с. 28]. Атаназий делает неправильный выбор и жизнь его катится под откос: дуэли, наркотики, сексуальные излишества и прочее саморазрушение. Генезип погружается во флирте, убивает без зазрения совести, а карьера адъютанта, уготованная юноше от отца, продолжает его психическое разрушение.

Основным сходством протагонистов обоих произведений выступает внешность, так описывает их автор: «*Atanazy Bazakbal, bardzo niezamożny, dwudziestokilkoletni, świetnie zbudowany i niezwykle przystojny brunet*» [7, s. 11]. ‘Атаназий Базакбал, весьма небогатый, двадцати с небольшим лет, прекрасного телосложения и чрезвычайно интересный брюнет’ [3, с. 22].

О Генезипе Виткевич пишет: «*ma lat osiemnaście skończonych*» [6, s. 22] ‘восемнадцать полных лет’ [2, с. 14]. «*On nie był bardzo wysoki (jakie 185 cm), ale cudownie proporcjonalnie zbudowany, zawierał w sobie potencjalnie całe morze cierpień nie znanych mu obecnie bab*» [6, s. 26]. ‘Он был не слишком высок (каких-то 185 см), но прекрасно сложен, в нем заключалось целое море страданий неизвестных ему доселе женщин [2, с. 19]’.

Романист кратко описывает биографию героев, с акцентом на моменты, которые в дальнейшем оказывают существенное влияние на становление их личности:

«*Atanazy pochodził z średniej szlacheckiej rodziny. Ojciec jego protegował sztuki piękne w podziwnym powieście, ale synowi zabronił być artystą i bił go строго za najmniejszy rysunek, albo wierszyk. „Metafizyczny pępek” tlił się w Atanazym stale, ale do „twórczości” nie doszło nigdy. I tak powoli został, sam nie wiedząc kiedy, owym aplikantem, myśląc ze strachem o przyszłej adwokaturze*» [7, s. 52]. ‘Атаназий происходил из среднезажиточной шляхетской семьи. Его отец покровительствовал изящным искусствам в родном уезде, но сыну запретил быть художником и строго наказывал его за самый даже пустячный рисунок или стишок. «Метафизический пупок» постоянно тлел в Атаназии, но до «творчества» дело никогда не доходило. И так постепенно он стал, сам не понимая, как это получилось, этим самым стажером-юристом, со страхом думающим о будущей адвокатуре’ [3, с. 27].

«*Cenezyp Kapen nie znosił niewoli w żadnej formie – od najwcześniejszego dzieciństwa okazywał wstręt do niej nieprzewyciężony. (Mimo to jakimś niepojętym cudem wytrzymał ośmioletnią tresurę ojca-despoty. Ale było to czymś w rodzaju nakręcania sprężyny – wiedział, że kiedyś*

roykręcić się musi i to go trzymało)» [6, s. 13]. ‘Генезип Капен не переносил неволи ни в какой форме – с раннего детства он испытывал к ней непреодолимое отвращение. (Несмотря на это, каким-то чудом он выдержал восьмилетнюю дрессировку деспота-отца. Но дрессура напоминала сжатую пружину – он знал, что когда-нибудь пружина разожмется, и это его поддерживало)’ [2, с. 52].

Как видим, биография главных героев, а именно детские годы, весьма схожа. У обоих деспотичные отцы, не позволяющие заниматься, тем, что на самом деле интересно. Это, несомненно, приводит к тому, что во взрослом возрасте герои страдают от неопределенности не только в выборе дела всей своей жизни, но и в любовных отношениях. И в дальнейшем образы Генезипа Капена и Атаназия Базакбала очень схожи и созданы в сложении двух главных пересекающихся тем: ненасытимости и неопределенности. Автор показывает нам раздвоение личности между жадой стать кем-то значимым в этой жизни, пренебрегая при этом всеми моральными правилами, и сознанием своей собственной недостаточности. Такое колебание стихий духа главных героев пронизывает оба романа:

«Uczuł się małym, podłym stworem i z szaloną siłą zapragnął jakiegobądź wywyższenia ponad samego siebie. Na razie jednak nie zmienił swych postanowień» [7, s. 12]. ‘Он почувствовал себя подленькой мелкой тварью и безумно возжелал во что бы то ни стало возвыситься над самим собой. Но пока что не изменил своих решений’ [3, с. 4].

«Genezyp nie poznawał ani siebie, ani otaczającego świata. Ale właśnie w tej obcości czuł się jak w wygodnym futerale. Tylko czy to nie jest jednym z objawów zbliżającego się bzika» [6, s. 402]? ‘Генезип не узнавал ни себя, ни окружающего мира, но именно в этой отчужденности чувствовал себя, как в удобном футляре. Только ни есть ли это один из симптомов надвигающегося сумасшествия’ [2, с. 423]?

Вышестоящие отрывки служат примером того, что образ Атаназия и Генезипа несет одно и то же: мотив неопределенности и ненасытимости.

Характеризуя главных героев Виткевич использует традиционный мотив испытания любовью, поэтому одно из важнейших мест в системе персонажей занимают женские образы: невинная настоящая любовь и демоническая женщина.

Нevinная настоящая любовь в обоих романах, это женщины, пострадавшие от рук главных героев – Зося Ослабдзенская (возлюбленная, а в последующем жена Базакбала) и Элиза Балахонская (сестра милосердия, жена Капена и ярая последовательница муртибингизма). Они добры, по-детски наивны, искренне по-настоящему любят и полностью доверяют Атаназию и Генезипу. Их образ можно сравнить с образом страдальца, которые любят и которых, несомненно, по-своему любят, но это чувство в итоге является разрушающим и именно любовь становится причиной их гибели. Различает же Зосю и Элизу спектр эмоций, переживаемых

в момент гибели. Зося, увидев измену Атаназия, морально раздавлена, несмотря на беременность, она теряет смысл жизни, единственный, кого она любила, ее Тазя, оказался предателем и Зося не находит другого выхода кроме как покончить жизнь самоубийством. Всю гамму ее чувств Виткевич показывает в следующих строках: «*Zosia płakała teraz otwarcie, pełnemi oczami, całem ciałem*» [7, s. 327]. ‘Сейчас Зося плакала открыто, всеми глазами, всем телом’ [3, с. 176].

Элизу в порыве страсти убивает безумный Генезип, но она принимает это спокойно, совершенно не сопротивляется, так как кроме любви у нее есть вера (вымышленный муртибингизм), приносящая спокойствие и умиротворение: «*Nie bronila się tonąc również w zachwycie najwyższym. Ból połączył się, w niej z rozkoszą i śmierć z życiem wiecznym w chwale rozjaśniającej się Tajemnicy Wszechrzeczy*» [6, s. 388]. ‘Она не сопротивлялась – ибо тоже тонула в высшем восторге. Боль соединилась в ней с наслаждением, а смерть с жизнью вечной – во славу воссиявшей Тайны Всебытия’ [2, с. 410].

Олицетворением демонической женщины в «Прощании с осенью» и «Ненасытимости» являются Геля Берц и княгиня Ирина Всеволодовна ди Тикондерога соответственно. Геля – голубоглазая, рыжеволосая, полная таинственного очарования богатая дочь еврейского банкира. Как говорит о ней сам Атаназий: «*Hela jest najpiękniejszą i najinteligentniejszą (i najbogatszą – coś szepnęło), kobietą jaką znam*» [7, s. 12]. ‘Геля – самая красивая и самая умная (и самая богатая шепнуло что-то) из известных мне женщин’ [3, с. 4].

Ирина Всеволодовна – увядающая русская княгиня, бывшая любовница отца главного героя, член Синдиката национального спасения, а также по мнению Генезипа «*zwyrodniałą, starowatą nadsamicą*» [6, s. 37] ‘дегенеративная стареющая суперсамка’ [2, с. 30], «*Czuć było w niej cały żal za beznadziejnie uciekającym życiem*» [6, s. 28]. ‘От нее исходила скорбь о безвозвратно уходящей жизни’ [2, с. 21].

Несмотря на внешние различия и социальный статус героинь, функции их в романах предельно схожи. С самых первых глав персонажи с чертами этого типа отделяются от толпы всех героев: имеют сложную внутреннюю жизнь, свою собственную философскую страсть и приводят героев к высшему эротическому наслаждению, делая при этом их безвольными существами. Образ демонической женщины неразрывно связан с главными героями, а также с образом их невинной любви. Ведь именно с Гелей Берц Атаназий изменял своей жене Зосе, которая узнав обо всем не смогла пережить двойного предательства от мужа и самой близкой подруги. А княгиня Тикондерога, будучи любовницей Генезипа, вместе со своим окружением ведут его к безумию.

Три предыдущих типа персонажей разнопланово представлены в романах, каждому герою посвящена отдельная информация с описанием его

внешности, характера, философских и жизненных воззрений, что нельзя сказать про четвертый тип – революционного деспота, коими являются Са-етан Темпе в «Прощании с осенью» и генерал-квартирмейстер Войцех Эразмович Коцмолухович в «Ненасытимости». Социальную и политическую ситуацию Виткевич в своих романах отодвигает на задний план, поэтому и образ революционного деспота появляется не сразу.

Так, Темпе – единственный главный герой, которому не посвящена какая-либо отдельная информация в романе. Несмотря на то, что сам персонаж появляется только в момент крещения Гели, о его существовании или необходимости существовать сообщается уже в первых главах, о чем свидетельствуют диалоги и монологи других персонажей. Сообщая о своих теориях социального кризиса, рассказчик называет его «проклятым Темпе»: «*„Od społeczeństwa nie wywiniesz się, bratku – z niego wyszedłeś i nic ci tu nie pomogą żadne abstrakcje”*» – *rzekł kiedyś ten przeklęty Tempe.*» [7, s. 15] ‘От общества не улизнешь, браток, из него ты вышел, и никакие абстракции тебе тут не помогут», – как-то сказал этот проклятый Темпе’ [3, с. 5].

Точно так же Виткевич ведет себя с революционным деспотом «Ненасытимости». Политическое напряжение витает в воздухе, герои так или иначе сообщают читателю о надвигающемся натиске с Востока и о изощренной политической игре генерал-квартирмейстера Коцмолуховича, благодаря которой Польша сохранилась в относительной первозданности, но вплоть до второй части книги не дается никакого описания этого героя. Во второй части, наоборот, персонаж революционера выходит на первый план, автор называет его «*Wielki Koćmółuch*» [6, s. 254] ‘Великий Коцмолух’ [2, с. 265] и посвящает ему целую главу.

Темпе и Коцмолухович олицетворяют конец уходящей эпохи и начало новой. Отличие их фигур лишь в том, что первый не отрекается от своих взглядов и суждений до самой развязки романа, тогда как второй перед решающим сражением с китайцами принимает наркотик и отдает приказ не сопротивляться, тем самым обрекая себя на гибель, которую, впрочем, принимает с достоинством.

Рассматривая второстепенных персонажей обоих романов, мы приходим к выводу, что это собрание международных модников, аристократов-блудников, полусумасшедших художников и искателей спасения. Они теряют свою сплоченность и однородность в пользу быстро меняющегося разнообразия. Так в диалоге с Логойским, мы обнаруживаем такие изречения: «*Stukę djabli wezmą, religja zniknie daleko prędziej*» [7, s. 252]. ‘Искусство пойдет ко всем чертям, религия исчезнет значительно быстрее’ [3, с. 137]. Эта фраза описывает состояние духовного и культурного упадка, царившее в обществе, описываемого в романе времени.

Религию старается возродить в душах главных героев «Прощания с осенью» ксендз Иероним Выпштык, олицетворением возрождения искусства является князь Азалин Перепудрех, но в итоге после революции не все смогут приспособиться к новому строю: одни займут высокие должности:

Перепудрех станет главным комиссаром по музыке, отец Иероним – генеральным директором Института культов: «*nawet Wyprztyk przystosował się do warunków, zostawszy głównym dyrektorem Instytutu Kultów, ale pod maską tą dbał tylko o to, aby jego religji, jedynej w którą wierzył, nic złego się nie stało*» [7, s. 395]. ‘Даже Выпштык приспособился к условиям, став генеральным директором Института культов, но под этой маской он преследовал только одно: чтобы с его религией, с той единственной, в которую он верил, ничего плохого не случилось’ [3, с. 191]. Другие либо погибли, либо находятся в больнице для умалишённых (старик Берц, Логойский, Зезя).

В «Ненасытимости» религиозные потребности удовлетворяют последователи Джевани – вымышленного Восточного пророка Китайской империи. А среди общей серости искусства возникает театр Квинтофрона Вечеровича, который, впрочем, и сам автор не воспринимает в серьез, называя его странным: «*Gdzieś w stolicy K. rozwiął się jeszcze jakiś dziwny teatr pod dyktando Kwintofrona Wieczerowicza*» [6, s. 166]. ‘Где-то в столице К. еще преуспевал какой-то странный театр во главе с Квинтофроном Вечеровичем’ [2, с. 212].

Изучив образы второстепенных персонажей, мы приходим к выводу, что они также, как и главные герои играют важную роль в построении сюжета романов, через их образы Виткевич показывает преобразования, описанных им социальных институтов: от религии и философии, до армии и искусства.

Таким образом, проанализировав романы «Прощание и осенью» и «Ненасытимости», мы выявили основные типы главных и второстепенных героев, описали их взаимоотношения и функции в произведениях, раскрыв при этом авторскую позицию, отраженную в образной системе. Нами было выявлено четыре типа главных героев, которые своими речами и действиями выражают авторскую концепцию ненасытимости, неуверенности, надвигающейся катастрофы для страны и общества. Задача второстепенных персонажей – раскрыть образы главных героев и замысел романа, а также описать реалии социальной, духовной и политической жизни общества того времени.

Литература

1. Базилевский, А.Б. Творчество Станислава Игнация Виткевича и польская литература гротеска / А.Б. Базилевский. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького, 2000. – 39 с.
2. Виткевич, С.И. Ненасытимости: роман / С.И. Виткевич; пер. с пол. Ю. Чайникова; послесл. и примеч. А. Базилевского. – М.: Вахазар: РИПОЛклассик, 2004. – 633 с.
3. Виткевич, С.И. Прощание с осенью: роман / С.И. Виткевич; пер. с польск. Ю. Чайникова; послесловие и прим. А. Базилевского. – М.: Вахазар: РИПОЛ классик, 2006. – 460 с.
4. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intraда, 2008. – 358 с.
5. Czapliński, P. Powieści Stanisława Ignacego Witkiewicza wobec Teorii Czystej Formy / P. Czapliński // Pamiętnik Literacki. Czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. – 1988. – Zeszyt 2. – S. 75–105.
6. Witkewicz, S. I. Nienasycenie / S. I. Witkewicz. – Warszawa. : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. – 429 s.
7. Witkewicz, S.I. Pożegnanie jesieni: powieść / S.I. Witkewicz. – Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. – 450 s.

I.A. Mihalevitch
Grodno Yanka Kupala State University
e-mail: irkahudoba@mail.ru

The character system in S.I. Witkevich's novels «Farewell to Autumn» and «Insatiability»

Key words: S.I. Witkevich, «Farewell to autumn», «Insatiability», character system, main character, minor character.

This article is devoted to the analysis of the character system of the most famous novels of the Polish writer Stanislaw Ignacy Witkievich «Farewell to autumn» and «Insatiability». The study of the character system plays an important role in the analysis of a literary text, since it is one of the most important means of comprehending the meaning of a literary work as an artistic whole. The article defines the main types of characters, describes their relationships, identifies similarities and differences in the author's embodiment of similar characters.

Д.А. Молчанова
Белорусский государственный университет
e-mail: anafielas@yandex.ru

УДК 821.161.1

«СОБЫТИЕ РАССКАЗЫВАНИЯ» И «РАССКАЗАННОЕ СОБЫТИЕ» В СТИХОТВОРЕНИИ А.А. ФЕТА «Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ С ПРИВЕТОМ...»

Ключевые слова: нарратив, перформатив, лирика, событие, лирический сюжет.

В стихотворении А.А. Фета просматривается нарративный принцип текстопостроения: вербализована интенция рассказчика, задана референтная картина мира с ее пространственно-временными характеристиками, имеют место квазиэпизоды, которые могли бы быть развернуты в нарративный сюжет. Однако поскольку лирическое высказывание представляет собой перформатив, а не нарратив, все названные структуры имеют отличные от нарратологических функции.

На сегодняшний день одним из возможных способов демаркации эпических и лирических жанров является признание нарративной природы первых и перформативной природы вторых [См. об этом: 6]. Позиционирование субъекта, объекта и адресата высказываний, относящихся к этим двум родам, в таком случае будет принципиально различным. Выбранное нами в качестве материала для анализа стихотворение А.А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) представляет интерес постольку, поскольку в нем эксплицировано намерение выступить «рассказчиком»,